

КАЖДЫЙ день нашим детям что-нибудь непременно показывают по телевидению: детские передачи, мультфильмы, постановки и даже детские спортивные состязания. Все это, конечно, прекрасно. Нет ничего худого и в том, что для детей выпускают огромное количество грампластинок, не говоря о радиопередачах. Радует и обилие детских книг. Правда, социологи с тревогой отмечают, что дети стали читать в среднем менее охотно и предпочитают знакомиться с классической литературой по киновариантам. Короче говоря, с помощью техники и развития книгопечатания искусство и литература шагнули в быт, в наши дома, так что ребенок просто уже приучен к тому, что он ежедневно будет обеспечен, не выходя из дома, порцией увеселений и зрелищ, как сладким на тротуаре.

И лишь театр стоит особняком в этом ряду, ибо его принципиально невозможно «доставить» на дом, поскольку кино- и телевизионные театральные спектакли все же не в силах передать главного таинства театра — живого, непосредственного общения зрителя с актером.

Между тем среди наших детей театралов меньше, чем книголюбцев, и уж конечно значительно меньше, чем любителей посидеть у телевизора. В чем же тут дело?

Взглянем на проблему с другой, бытовой стороны. Мы часто сетуем на то, что нам некогда общаться, мы обделены эмоционально насыщенным и содержательным общением. Если верить статистике — обделены им с детства! Цифры прямо-таки пугающие: например, родители в течение дня непосредственно общаются со своим (порой единственным!) ребенком в среднем не более четверти часа. Речь идет именно о живом общении, а не о заботе, приготовлении еды для ребенка, покупках и проч. Всего лишь 15 минут на то, чтобы заглянуть в душу своему любимому чаду, узнать о его проблемах, рассказать о своих, в общем, пообщаться. Не мало ли!

Вот и приходят на помощь радио-, теле- и кинозрители, которым мы охотно передоверяем свое дитя, надеясь, что они лучше нас сумеют его воспитать. Безусловно, часть проблемы мы этим решаем, освобождая себя от необходимости творчества в воспитании, но все же проблема живого общения остается. Театр, призванный по своей природе быть «встречей» и «соткновением» одновременно, мог бы кое-что изменить в обрисованной выше картине. Это не только его право, но и прямая обязанность. Как же справляется с ней сегодня детский театр?

Мы поведем разговор об общих тенденциях на примере нескольких конкретных спектаклей не для того, чтобы показывать, что удалось в них, а что нет, но для выявления главной проблемы: почему наши дети не слишком любят ходить в «живой» театр при том, что они испытывают дефицит «живого» общения со взрослыми?

Первое, на что уже неоднократно обращали внимание: детских спектаклей в нашем городе не так уж много, идут они не так уж часто, а новые появляются довольно редко. Из сезона в сезон сохраняется примерно одна и та же среднестатистическая цифра: лишь один ребенок из трех бывает в театре, да и то — один раз в году! Однако поражает не эта количественная бедность, а то, что при такой скромности театрального обеспечения наших детей залы, мягко говоря, не помнятся от зрителей. Часто они просто пустуют, несмотря на то, что детские спектакли, как правило, обеспечиваются публичной плановой, то есть с помощью культпоходов, организованных школами и детскими садами.

Правда, пустуют не все залы. Например, в Выборго зал полон всегда. Речь идет о единственном в городе профессиональном театре, а именно — о кукольном, который курирует Управление культуры Леноблсполкома как экспериментальную творческую площадку. Формально, как говорится, все нормально. И все же посещаемость этого небольшого зала, рассчитанного на сто мест, не должна входить в заблуждение: молодому коллективу есть над чем обзавестись его дальнейшая творческая судьба не может не вызывать опасе-

ний, если говорить не только о возможностях самореализации актеров, но и о том, что постоянно должны помнить люди, играющие для детей, — о живом контакте со зрителем.

К сожалению, самым стойким впечатлением от большинства спектаклей является утомление, которое недолго поселяется в душе зрителя. Правда, к нему часто примешивается и недоумение, несмотря на то, что отдельные моменты в каждом спектакле сделаны изобретательно и оригинально.

ТЕАТР

А ЛЮБВИ НЕТ...

О постановках для детей

Впрочем, об оригинальности стоит поговорить особено. Чаще всего это — оригинальность во что бы то ни стало, чтобы, не дай бог, не показаться простым. Взяв хотя бы недавнюю премьеру, поставленную по пьесе, которая хорошо известна детям благодаря популярному мультфильму о Лявонке и Черепаше. Выборгский театр дает свое, оригинальное название: «Полжизни на полугаяе». Броской. Да, но беда в том, что зрители-дошкольники, которым адресован спектакль, еще не понимают, что такое «полжизни», полугаяе же в спектакле попросту нет, кроме одного, который два-три раза высккивает из часов. Вместо кукушки. Зато в спектакле огромное количество музыки, пения и танцев. Похоже, театральное музицирование в немусикальных театрах становится общим поветрием на сцене. Что ж, актеров можно понять: им хочется петь и танцевать. Но все же обилие музыкальных номеров в этом по сути немусикальном спектакле довольно часто мешает понять смысл происходящего на сцене. Например, знакомятся Черепаша и Лявонка. Маленькому зрителю хочется рассматривать их, понять, какие они, почему знакомятся, зрителю хочется узнать в них себя, но... Взрослым актерам это, видимо, неинтересно, и вот на сцене — будто переключили телепрограмму — возникает танец: то ли древнеиндийский, то ли модерн в исполнении каких-то птицеобразных людей. Лявонка и Черепаша тихо сидят на ширме, ждут, когда кончатся. Малыши-зрители тоже. Может, это и есть полугай! В конце первого акта эти птичеклюды сплотят вдруг зрителям песню про то, что не следует упускать своего звездного часа. Из этой песни малыши способны, пожалуй, запомнить лишь припев: «Пау-пау-пау-пау!».

Самое печальное здесь то, что маленький зритель уже приучен к стереотипу смены жанров, настроений, тем, изобразительных решений. С пеленок приучен телевидением, в особенности же той волшебной рукотатой телевизора, с помощью которой можно одним щелчком менять изображение с футбола на балет или с пения на детектив. На подобном «разноплановом» спектакле зритель чувствует себя в точности так же, как перед экраном, на котором бесконтрольно меняют каналы — лишь бы не скучно было.

И все же хочется отметить, что кукольные Выборга, хотя и решают задачу поверхностно, но, в сущности, руководствуются самыми благими намерениями: оригинальность — теперь уже в истинном, положительном смысле — невиданная редкость сегодня на детской сцене. Обычно спектакль для детей делается без выдумки, что называется, без затей и особенных затрат — как финансовых, так и душевных. Ну что, в самом деле, стоит профессиональным артистам разыгрывать какую-нибудь сказочку? Уж коли играли Чехова, неужто Маршак не сыграем? В таком подходе к делу есть что-то от старого провинциального премьерства.

Наблюдать его особенно обидно, когда оно существует, так сказать, не степенно, то есть в одном и том же спектакле есть актеры, работающие с душой и настроением, и есть отбывающие «номера». Так, по-моему, происходит в спектакле «Сказки Маршак» — недавней премьеры Театра имени Ленинского комсомола.

Начало здесь необычайно многообещающее: яркие, праздничные и в то же время какие-то детские и простые декорации О. Земцовой, ту же тональность поддерживает прекрасная музыка С. Баневича... А вот актеры и режиссеры не то чтобы ее игнорируют, но следуют ей без особенной охоты, что ли: один играет в заданной стилистике, другой просто присутствует на сцене, разрушая этим присутствием сказочное очарование спектакля. То же самое можно сказать о режиссуре. Из пяти сказок запоминаются только две — «Радуга-дуга» и «Теремок». Сказки про глупого и умного мышонка всего-навсего иллюстрируют текст, а «Кошкин дом» и вовсе выбивается из общей картины. Впечатление такое, что первое действие было сделано для нынешних детей, а второе — для их родителей и даже дедушек и бабушек, когда они были детьми, то есть много лет назад, и даже не по сказкам Маршак, а по журналу «Крокодил» того времени, в котором с помощью примитивных сатирических ходов высмеиваются ушедшие в прошлое пороки. При чем здесь дети — остается загадкой.

И опять основная причина в том, что у авторов не хватило любви к зрителям, а следовательно, они не получили и ответной любви маленькой публики. Без любви же все сводится к «мероприятию», к обслуживанию по известным стандартам, а в результате дефицит общения, о котором мы говорили вначале, не уменьшается, а возрастает.

Можно позавидовать великодушью и добросердечию наших детей, которые терпеливо сносят обращения к ним спектакли без любви, дожидаясь все же театрального чуда. Когда же оно появляется, то приветствуют его бурно и восторженно. Такой эффект можно наблюдать, например, на спектакле «Мэри Попинс», созданном силами Ленконцерта. Здесь многое (и по праву) пленяет сердца ребят: во-первых, сама ситуация — ну что же из них не мечтает сегодня о такой няне, о таком друге и сообщнике, как Мэри Попинс! Она настоящая волшебница, она умеет верить в чудеса, она умеет играть и общаться с детьми, не теряя при этом ни педагогического апломба, ни чувства юмора. Эти завидные качества главной героини поддержаны режиссером и актерами. В спектакле много чудес, но возникаю они не только и не столько благодаря техническим ухищрениям (по нынешним временам детей «фокусами» уже не удивишь), а рождены искренностью и воображением актеров, что в свою очередь порождает ответную искренность и способность к фантазии.

Как это делается? Вот небольшой пример. Начинается спектакль, и на сцену выходят трое ведущих. В руках у них музыкальные инструменты, на которых они играют. И вдруг к их живой музыке присоединяется красивый женский голос. «Это ты поешь!» — спрашивают двое ведущих свою партнершу. «Нет, что вы, я так не умею...» — смущается она. Казалось бы, просто, но зато честно, без обмана. А ведь можно было сделать и так, как делается обычно на эстраде: звучит фонограмма, а актеры только раскрывают рты, причем зрители это давно знают и, конечно же, не верят, что именно сейчас именно эти актеры поют для них... Не скрывают ведущие и того, что именно они играют по ходу дела многих персонажей, меняясь ролями, как в детских играх: сейчас ты будешь мамой, а я дочкой, а потом — наоборот. Как раз создание к созвучию с детской душой и позволило создателям этого спектакля насытить его богатой выдумкой, театральностью, где все решают степень веры в предлагаемые обстоятельства, степень заинтересованности в игре, степень любви к своему делу и зрителю. Они-то и составляют залог подлинного общения детей с театром, к которому нужно и должно стремиться.

Е. МАРКОВА